

634.

ВИКТОР БАЯНОВ

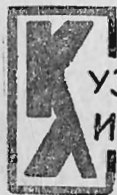
за рекой
талиновой

«За рекой талиновой» — второй сборник стихов Виктора Баянова. Первый его сборник «Росы» вышел в Кемеровском книжном издательстве в 1963 году и пришелся по сердцу читателям.

В. Баянову 30 лет, работает машинистом паровоза на Кемеровском химкомбинате.

УЗБАСС
ИТЕРАТУРНЫЙ

МБ

Р2
БЗ4

ВИКТОР БАЯНОВ

За Зрекой Палижовой

248/4.

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1965

11/18/18

За рекой талиновой, за мельницей
Земляникой крашены холмы...
Ничего, казалось, не изменится —
Ни деревья, ни земля, ни мы.
Буду проходить короткой улочкой,
Чтобы к речке выйти поскорей,
С довоенной береженной удочкой —
Вечною грозою пескарей.
И на зорьке,

легче одуванчика,
Будет вслед смотреть мне каждый раз
Девочка в цветастом сарафанике
С жаркими веснушками у глаз.
Ветерок займется и уляжется
В тень под тальники да тополя...
Ничего не изменилось, кажется —
И деревья те же, и земля.
Только я бываю здесь наездами.
Даже не заглядывая в дом,
Ночи коротаю под навесами
На клубничном сене молодом.
Только приобрел другие удочки —
Все на тех же вечных пескарей
И спешу по той же самой улочке,
К той же речке выйти поскорей.

И зарею утренней просвечена
Там, где домик низок и угласт,
Мне вослед подолгу смотрит женщина
С первыми морщинками у глаз.

♦
Дом как дом.

Цветы да занавески.

Я его пороги обивал.

В этом доме я себе невесту

Много лет назад облюбовал.

На вечорках возле сельской лавки

Я, смущенно опуская взгляд,

Для нее играл на балалайке,

Все сбиваясь на минорный лад.

Рассыпал я перезвоны густо

И, во всем хозяину верна,

О моей бессоннице и грусти

Говорила первая струна.

И, ее ничуть не повторяя

В чистой перезвонной красоте,

Выводила тоненько вторая

О моей сердечной доброте.

Не держа моей мечты в секрете,

Смутными надеждами томя,

Голосисто подтверждала третья

Сказанное первыми двумя.

Я любимой пел о кленах, ивах,

Звал ее неведомо куда.

Но девчата смотрят на красивых —

Я красивым не был никогда.

Был невзрачней всех в ребячьей стайке.
И когда с другим ушла она,
У моей веселой балалайки
С горьким всхлипом

лопнула струна...

Далеки сегодня те тревоги.
В край сердечной

первой маяты

Ливни поразмыли все дороги,
Паводки порушили мосты.
Там все так же клен зарей подпален
И девчата водят хоровод, ...
И влюбленный -

некрасивый парень

Струны балалаечные рвет.

◆

На обезлюдевшей окраине,
Где два холма, как два горба,
Вовсю воронами ограяна
Моя мальчиночья судьба.
Весна.

Хрустит ледок, продавленный
Заиндевелым дном ведра,
И лихо пляшут на проталинах
Густые синие ветра.
Теплом исходит солнце набедно
Над незапаханным жнивьем.
А это значит — будет ягодно,
А это значит — заживем.
У месяца все тоньше лезвие —
Пойдут дожди, того гляди...
Еще шоссейные, железные
Мои дороги — впереди.
И только сказки бурно радуют,
Пугает тьма в сырых логах.
Да гонят спать.
Да звезды падают.
Да плачут цыпки на ногах.

НА ГОРКЕ

Ветер веет, не слабеет,
Подгоняет саночки.
Под горою голубеют
Проруби русалочки.
Ветер сыглет колким снегом.
Выстывают горницы.
За твоим веселым смехом
Вьюга не угонится.
От опушки от сосновой,
От четы березовой,
Ты бежишь на горку снова
Розовая-розовая.
Из ледовых, видно, окон,
С глубины налимовой
Оплескали тебя окуни
Водой малиновой.
А потом у тропки торной
Под буянь буранную
Снегири о щеки терлись
Грудками багряными...
Нам смеяться, нам чудесить,
Чтоб сердца оттаяли.
Мы сегодня лет по десять
По домам оставили.
А кругом гудит, сверкая,

Молодая, светлая.
Неоглядная такая
Ненаглядная такая.
Сторона заветная.

ХОЛОД

Мерзнут ноги,
Мерзнут руки...
Несговорчивый и злой,
Ходит холод по округе,
Машет белою полой.
Он таких снегов насеял,
Что до слез меня слепят.
На дороге сани с сеном
Мне о холоде скрипят.
Я уйду от тех сугробов,
Я уйду от тех возов,
Я от холода попробую
Закрыться на засов.
Только мне не отогреться.
И в натопленной избе:
Все равно напомнит сердцу
Зимний холод о себе.
Не продрогшими возами,
Не сугробом у плетня,
А любимыми глазами,
Разлюбившими меня.

♦
✓
То ли вьюга будет мечь,
То ли цвѣсть смородина...
Из каких-то дальних мест
Я вернусь на родину
И спрошу свои края
Заполночи, замежи:
— Как тут милая моя?
Мне ответят:

— Замужем...

Сердце оплеснет водой
Ледяной, подледною.
Повстречаюсь с молодой,
Расспрошу подробнее:
Тропки-стежки у нее
Самые ли торные,
Белостенное жилье
Самое ль просторное?...
Сразу ли, как завела
Вдаль дорога горькая,
Заскоблила-замела
Теплый след мой в горенке?..
И еще спрошу без зла:
— По какому правилу
Праздники себе взяла,
Будни — мне оставила?..

♦
Я не по нраву, не по нраву
Пришелся твоему отцу,
Но вечером тебя

по праву

Веду к отцовскому крыльцу,
Я не войду с тобою в сенки,
Боюсь ступить на половики:
У твоего отца на стенке
Висит исправный дробовик.
Я к озерку, к речному устью,
По необкошенной тропе,
Уйду

с хорошей, теплой грустью

Вздыхать и думать о тебе.
Плечами небо задеваю
И верю всяким чудесам,
И сердцем что-то затеваю,
А что — пока не знаю сам.
И кажется, что с тем же чувством,
Не громыхая, не пыля,
К себе самой

светло и чутко

Прислушивается земля.

◆

От туманного молозива
Река белым-бела.
Клены в зорьке светло-розовой
Купают купола.
И черемуха за пасекой
Поет на склоне дня.
У черемухи за пазухой
Сто песен для меня.
Будто сказочная дева,
Сердцу близкие слова
Выпускает то из лева,
То из права рукава.
Улетают песни с кручи,
Зажигая, веселя,
Жаворонками — под тучи,
Перепелками — в поля.
В небе звездочка маячит,
Первая, вечерняя.
Может быть, она — моя,
Может быть — ничейная...

Дождик льет, дождик льет,
Мчит вода из балочек.
Метко дождик бьет в лет
И шмелей и бабочек.
Капли падают, звеня,
То орлом, то решкою.
Ты далеко от меня
Там, за горной речкою.
Там белеет твой платок
Сквозь стекло оконное...
Но гремит, гремит поток
И ручьи окольные.
Только я к тебе приду,
Посижу, порадую.
Если брода не найду —
Перейду по радуге.

ТАНЦЫ НА МОСТУ

Перила новенькие в глянце,
Сосною тянет за версту.
В разливе май, в разгаре — танцы.
Среди деревни на мосту.
Весна!

Картинно став на кромку,
Как у любимой под окном,
Терзает новенькую хромку,
Слегка куражась, агроном.
Сам подпевает ей с присвистом,
Забыв о первой борозде.
И кружат звезды в небе чистом
И те же самые — в воде.
Гудят сосновые подмости,
Танцует юность и поет.
Мне за отбитые подметки,
Наверно, завтра попадет.
Зато душа моя не тужит,
Зато опять дружу с весной,
И вечер звезды кружит, кружит
И надо мной, и подо мной.

Гнутся петушины насесты.
Но не петухи мешают спать —
То любовь кочевничьим нашествием
Бурно надвигается опять.
Полумесяц плавает кругами,
Стрелы звезд калены и остры.
За рекой, у темного кургана,
Ярко занимаются костры.
Слышу я, привыкший жить оседло,
Как подковы цокают вдали
И скрипят под всадниками седла,
Как в ночных полях коростели.
Не боясь, не труся ночью черной,
Будто сам собой не дорожу,
Молодой, ничем не защищенный,
Я любви навстречу выхожу.
Что там ждет меня среди тумана —
Режущий, короткий взблеск меча,
Взмах секиры, тонкий свист аркана
Или шуба с царского плеча?..

Я зло томлюсь у топок жарких,
 На плечи будто давит груз,
 Когда мои составы в парках
 Стоят притихшие, как грусть.
 И любо, любо бесконечно,
 Когда навстречу — горстки хат
 И плёс речной, и лес заречный,
 И угасающий закат.
 Я счет теряю километрам,
 По маю мчу, по декабрю,
 Борюсь с метелью, спорю с ветром,
 С высоким небом говорю.
 И только тем я счастлив ныне,
 Что мне под звонкие гудки
 Дано любить пути сквозные,
 А не глухие тупики.

◆

Крутой подъем.
Дождя и снега помесь.
Кусты в мохнатом, медленном дыму.
А машинист
Вести тяжелый поезд
Помощнику доверил своему.
Я только уголь мог бросать в раструску,
Рабочий стаж мой был предельно мал
И смысла неожиданной нагрузки,
Признаться, я тогда не понимал:
Мой старший друг
И сам был в полной силе...
И вот я сел за «правое крыло»,
За рычаги, которые хранили
Больших, спокойных рук его тепло
Шел поезд тяжело и напряженно —
Подъем был непомерно затяжной,
А машинист, в приборах отраженный,
Стоял все время за моей спиной.
Курил, как будто в полном отрешенье,
И радовался, может, оттого,
Что все мои, пусть робкие движенья,
Подсмотрены не где-то — у него.
Он тоже ждал,
Когда по всем приметам,

Увиденным за снегом и дождем,
Последним, круто вздыбленным пикетом,
Мне покоряясь, кончится подъем...
Теперь через любую непогоду,
Какие бы мне грузы ни возить,
Я знаю, где прибавить надо ходу,
И на каком уклоне тормозить.
И в сотый раз крутой подъем встречая,
Поездку помня первую свою,
Я рычаги помощнику вручаю
И за спиною у него стою.

ВЕСНА НА СТАНЦИИ

Нету близко лугов,
Что цветут в эту пору,
Но и здесь, как над речкой,
Повис виадук.
И цветут поезда,
И цветут светофоры —
Вся железнодорожная ветка в цвету.
И нет-нет да пахнет
То сосной, то березой,
Как и там, где разливы
И небо в стрижах.
Этот запах сюда принесли паровозы
Из неведомых мест
На литых бандажах.
Далеко раздаются
Их песни-погудки —
Это снова они
Вдаль увозят состав,
Напоследок еще
Торопливо и гулко
Все вагоны
Для верности пересчитав.
И всегда нелюдимый
Задумчивый смазчик,
Обтерев инструмент,

Закурил не спеша,
А потом синеве
Улыбнулся, как мальчик,
Соглашаясь со мною,
Что жизнь — хороша.

♦

Говорят, что годы — улетают
Не найдешь, в каком они краю...
Годы не летают и не тают —
Остаются навсегда в строю.
И с тех пор, как я в дорогу вышел,
Даже если тучи надо мной —
Я спокоен:
Я все время слышу
Их дыханье за моей спиной.

ФОТОГРАФИИ

Мы их храним, с собой повсюду возим.
Иной под старость глаз не сводит с них,
А я на свете прожил двадцать восемь
И фотографий не люблю своих.

Вот детская. Веселая...

Едва ли

В ней что-то есть от прожитой беды.
А мы отцов в те годы не видали,
Полураздеты были и худы.
Я помню, как упала лошадь в согре,
Как до района еле добрались,
Где целый час крутил меня фотограф
И добивался: «Мальчик, улыбнись».
И чтобы он меня не дергал грубо,
И чтобы вдруг снимать не расхотел,
Я улыбнулся ясно и беззубо,
И он таким меня запечатлел...
А вот я мрачный, на последних фото
За кем-то взгляд внимательный следит.
Как будто обижаюсь на кого-то,
Как будто я на целый мир сердит!
Я отношусь к ним строже все и строже.
В альбомах или в рамках на стене
Они всегда удачны и похожи,
Но говорят неправду обо мне.

Я рано распрощался с вербой,
Шумящей под родным окном.
Мне двадцать стукнуло за Эльбой
В окопе тесном и сыром.
От давних битв чернели ямы,
А ветер дул наискосок
И мне в лицо швырял горстями
С окопных брустверов песок.
В дыму заря алела флагом,
Простор озер к себе манил.
С учений мы парадным шагом
Шли мимо войнских могил.
И ныне там, в краю неблизком,
На них равняются полки,
И люди к строгим обелискам
Кладут нерусские венки.
Стоят в молчанье...

И, возможно,
Что, свежий от весенних рос,
И мне букет цветов возложен
За автострадой у берез,
Где Эльба мчит светло и гордо,
И зреют всходы добрых жатв,
Где лучшие мои три года
В окопах дрезденских лежат.

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Я жил и пасынком, и сыном
И крепко знаю оттого,
Как важно, чтобы хлебом сытным
Не обделяли никого.

Покуда ветер злой не дунул,
Слеза не стала солона,
До тех я пор наивно думал,
Что хлебу — медная цена.
Была деревня,

детство,

хата,

Где, нас пугая и дразня,
Среди веселок и ухватов
Пыхтела пышная квашня.
Распахивались окон створки,
И от поджаренных краях
Над всей округою

на зорьке

Стоял пьянящий хлебный дух.
Но громом раскололось небо
И, охладив ребячий пыл,
Однажды мне не дали хлеба,
Когда он так мне нужен был...
Как мы ни слабли, как ни вяли,
Не половину и не треть —

Весь хлеб мы фронту отдавали,
Чтобы совсем не умереть.
И зная тягу к хлебной крошке,
Тогда для постного стола
Нам так готовили картошку,
Чтоб форма хлебная была.
Напоминая зло и горько
Про беспечальные деньки,
Хрустели вдавленные в корку
Березовые угольки.
Но я в застолье не охал,
Иному взрослому подстать.
Вот только рос в те годы плохо,
Так, что теперь не наверстать.
И вот живу под небом синим,
Желая только одного:
Чтобы на свете хлебом сытным
Не обделяли никого.
И каждый пусть себе отметит,
Пусть каждый в памяти хранит,
Что колос не бренчащей медью,
А чистым золотом звенит.

БЕРЕГА

Речка блещет то ярко,
то тускло.

Разрезает поля и луга.
Создают ей гремучее русло
Молчаливые берега.
От глухого лесного истока
И до устья,

как злая беда,
Их без отдыха точит жестоко
Молодая, лихая вода.
Но они от истока до устья
Стойко делают дело свое,
Глядя с мудрою тихою грустью
На шальные забавы ее.
И в упрек не промолвят словечка,
Лишь бы волны — сильней и синей.
Ничего, что не в них эта речка,
А они отражаются в ней.

ДОМ С КРАЮ

Наверное, угрюмый плотник
Срубил его, как знал,

как мог.

В его пазах, глухих и плотных,
Заплесневел болотный мох.
Заплот высокий и нешаткий,
Калитка круглый день — захлоп.
И крыша серая,

как шапка,

Надвинута на низкий лоб.

С прищуром хитрым и сторожким
Он смотрит, прячась за заплот,
На улицу одним окошком
И четьрьмя — на огород.

Двустволка там в иную пору
Так ахнет, что не всяк петух
С чужой гряды уносит шпоры,
Роняя по канавам пух.
И снова глохнет —

крепкостенный

Дом на фундаменте литом —
С верандой,

радиоантенной

И с телевизорным крестом.
Себя с пристройками рисуя,

Он неизменно каждый день
Свою короткую, косую
На улицу бросает тень.
Он вроде ничего не просит,
Он вечно с краю, в стороне...
Я рад, когда такие сносят
С трухлявой гнилью наравне.

Там, где воды и ветра сшибка,
Почти ложатся на пески
Живущие легко и гибко
Молоденькие тальники.
И в той же речке отраженный,
Под тем же ветровым крылом,
Клен встал, прямой и напряженный,
Треща негнущимся стволом.
Он крепок. Он в расцвете кроны.
Он видит очень далеко.
И даже легкие поклоны
Ему даются нелегко.

ОСЕНЬ

Злой ветер яро треплет кроны,
Сдирает лышные меха...
Да разве ветреному клену
Надолго рыжая доха!
По деревенским подворотням
Теряют перья гусаки,
А за дорожным поворотом
Гудят в грязи грузовики.
И настроенье, как погода,
Сто раз меняется на дню.
То жду я дальнего похода
На Томь куда-то, на Иню.
То будто кто-то обижает,
То веселит, струной звеня.
Как будто друг —

то приезжает,

То уезжает от меня.

ВОДОПАД

Никогда не разбивал он лодки,
Не топил их, тяжело бурля...
Днем к нему веселые молодки
Приходили с горками белья.
Возвышалась мельница над кручей,
Как большая, черная скала.
Там всегда бранчливой и скрипучей
Очередь мешочная была.
Мужики отряхивали куртки,
Поднимая облака муки.
В водопад ныряли их окурки,
Как черноголовые мальки.
Помнится, что по дворам в ту пору,
О тревожном, непонятном нам
Шепотком шуршали разговоры,
Точно тараканы по углам.
Лишь у водопада на запруде,
Из-за шума слышные едва,
Говорились громко, всею грудью
Злые, наболевшие слова...
Я за то люблю его, как друга,
Что, стараясь шепот приглушить,
Он учил меня и всю округу
Только в полный голос говорить.

♦

Всё наветы, наветы, наветы —
Как осенние ночи глухи.
По наветам уходят невесты
И бросают невест женихи.
Постучатся наветы негромко,
А оглушат нас грома сильней.
Даже зорьки лучистая кромка
Вдруг покажется тучи темней.
И гармоники вечером поздним
Умолкают у сонной реки.
Только чудятся всюду по пожням
Шепотки, шепотки, шепотки.
Стынет небо холодным навесом,
Дождь — подстать запоздалым слезам,
Оттого, что поверишь наветам,
Не поверив любимым глазам.

У реки рябина сохнет
Чистая и строгая.
Но никто по ней не охнет,
Пальцем не потрогает.
Я не знаю — тут наветы,
Мелкая ли ябеда,
Но никто с цветущих веток
Не срывает ягоды.
И стоит она, страдая,
Под веселой зорькою,
И такая молодая,
И такая горькая!

СОСНА

В четыре ребячьих обхвата,
Разлаписта и зелена,
Над нашею дымною хатой
Могуче шумела сосна.
Чеканились месяцы-перстни,
Ломались над ней облака,
А в ветках покоились песни
Еще со времен Ермака.
Гордясь перед хрупкой осиной
Своим многолетним житьем,
Она самой крепкой и сильной
Была в представленье моем.
Но как-то по всем перелескам
Прошел ураган.

И сосна

Легла с оглушительным треском
Шагах в десяти от окна.
Впервые высокую крону
Я дрогнувшей тронул рукой,
А душу мне тягостно тронул
Ее непривычный покой.
И только одно утешало
Тревожное сердце мое —
Она ведь не просто упала,
А буря сразила ее.

Кивая ветеркам залетным,
Подсолнух все смотрел юнцом —
Был тонкошеим и зеленым
С рябым, обветренным лицом.
Его потоки солнца грели,
Дождями падала вода.
И семечки все зрели, зрели
И наливались, как года.
Еще для них не сделан закром...
Средь мелких и несрочных дел.
Ты пронадеялся на завтра,
Ты оглянуться не успел,
А за плетнем уж,
 громко споря,
Роняя серый пух в репы,
Подсолнух твой
 легко и споро
Выклевывают воробьи.

♦
✓

Бойся, Анна,
Слушай, Анна,
И ушам своим не верь:
Кто-то громко, кто-то странно,
Незнакомо стукнул в дверь.
Твой бродяга, твой отходник
С полной сумкой за спиной,
Твой удачливый охотник
Возвращается домой.
Он твои забросит ситцы,
Он не то тебе добыл —
Для тебя в тайге лисицу
Чернобурую убил...
Не взглянул тебе в лицо он,
Необычно строг и прям.
На щеке застыл свинцово
От медвежьей лапы шрам.
Знать, умаяла дорога
Через горы и лога,
Знать, заметил у порога
След чужого сапога.
Ох, заметил след неяркий,
Потому не ест, не пьет,
Драгоценные подарки
Из мешка не достает.

Не глядит на молодую
И, натуре вопреки,
Клонит голову седую
На тугие кулаки.

СТАРОМУ ШОРЦУ

Молча держишь махру и кресало,
Поседелый, как горы, бобыль.
Может, вспомнил горянок-красавиц,
Тех, которых когда-то любил?
Не для них ли с запасом толкана
И с мечтою о жарких ночах,
Ты пудовую тяжесть капкана
Через горы таскал на плечах?
Из-за них ты срывался в потоки,
Из-за них шел на рысьи огни,
Потому что, как ночь, чернооки
И таинственны были они.
Нынче старость тайгой обступила,
Трудно верится в дебрях ее,
Что когда-то без промаха било
Саморучной работы ружье.
И вздыхаешь ты горько, без фальши,
Оттого, что по горной тропе
Зверь уходит все дальше и дальше
И за ним не угнаться тебе.
В море света над дрезней долиной,
Стариковской кручиной томим,
Стынешь ты на вершине орлиной
И завидуешь внукам своим.

И глядишь неотрывно и зорко
Из-под смуглой ладони худой,
Как уходят в рассветную зорьку
Поезда с таштагольской рудой.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Неотвратимо копится она,
Затягивает небо, точно невод.
Речная неумолчная волна,
Всегда такая светлая — темнеет.
И Каратаг с вершиной в облаках
Слегка дрожит.

Как ночь, чернеют скалы.

Ревет поток.
А может, то в горах
Трубят тревогу старые маралы?
Торопятся и лодки, и возы,
Тревогу эту трубную слыша...
Я знаю, что порой страшной грозы
Предгрозовое жуткое затишье.
Еще я знаю — мне людей глаза
Рассказывают с болью неживою,
Что каждый час

нежданная гроза
Сгущается над чьей-то головою.
Пугливо умолкает птичий гам
И знобкий холодок летит по водам...
И хочется по сопкам, берегам
Неколебимо стать громоотводом.

ПЕРЕПРАВЫ

По долинам роскошные травы,
В чашах беличий гон по сучью.
Только мне не забыть переправы
За веселую их толчею.
Тут косынок цветастая стайка,
Тут геолог с тугим рюкзаком
И охотник, и шустрая лайка
Будто дразнит кого языком.
Каждый ищет и верит в победу.
Я в себе ту же веру несу.
Я не просто сейчас перееду
Через бурную речку Мрас-Су —
Напрягутся канатные жилы,
И на шатком причальном мосту
Я под пройденным и пережитым
Подведу голубую черту.
Будут снова роскошные травы
И устойчивый запах грибной.
Только мне не забыть переправы;
Ни за что не забыть! Ни одной!
Голубое литое обводье.
Дом паромщика. Тропка в тайгу.
И всегда тебя кто-то проводит,
И помашет на том берегу.

КАБЫРЗА

Кабырза, Кабырза,
Я видал воочию,
Как, дика ты и борза,
Валуны ворочаешь.
А у этой вот косы
Тихая ты тихая.
Даже слышно, как часы
На запястье тикают.
Виснет веток бахрома.
Берега опрятные,
Ну и пляжи! Задарма!
Почему не платные?!
Я сейчас бы деньги — динь,
Чтоб с веселым оханьем
В эту матовую синь
Окунуться окунем.
Ты сказать мне не вольна,
Речка окаянная:
Здесь речная глубина
Или океанная?
Может, здесь,
 врастая в дно,
Под водой стоячею
Острый камень ждет давно
Голову горячую?

Я вот так,
тропой крутой,
Продвигаясь с доблестью,
Бит не раз
недобротой,
Спрятанной за доблестью
Но не пал я перед ней,
Как дубок подточенный,
Только стал еще сильнее
И еще устойчивей.
Потому беру разгон —
Пусть беда встречается...
От прыжка от моего
Тальники качаются.

Огни рассыпаны в лесу.
Огни, ну что мне делать с вами?
Как будто в дно шальной Мрас-Су
Вбивают золотые сваи.
Коростели пугают сов
И ничего не слышно кроме.
Туда, на их скрипучий зов,
Я перееду на пароме.
Я тоже сов пойду пугать
И лешим хохотать по рощам.
И будет весело ругать
Меня зевающий паромщик...
К воде склоняются кусты,
Шумят и пенятся пороги.
Но где и с кем сегодня ты
И по какой идешь дороге?
Я в Горной Шории живу.
И золотыми вечерами
Все жду тебя и все зову,
Как будто ты не за горами.

◆
У лодчонки узкая корма.

У девчонки

по платку — кайма.

А девчонка — самые лета,

Чье-то гореванье и мечта.

В песенке, плывущей вдоль реки,

Чудится касание руки,

И журчанье родниковых струй,

И несмелый первый поцелуй,

И печальный над дымком долин

Вбитый в небо журавлиный клин,

Быстрый, зоркий ястреба полет.

Пой, девчонка!

И она поет.

Льется тихий свет над Кабырзой

И не пахнет никакой грозой.

◆

Полюбуйся, человек, позарься
На нерукотворную красу.
Здесь волна зеленая Пызаса
Обнялась навек с волной Мрас-Су.
Столько круч, порогов было столько!
Знать, они в таежной синей мгле
Верили от самого истока
В неизбежность встречи на земле.
И теперь под скалами резными,
По тайге разбросанными сплошь,
Никакой бедой их не разнимешь,
Никакой водой не разольешь.

Ты мелькнула, блеснула и канула
То ли звездочкой, то ли слезой.
Мимо черной громадины каменной
Я куда-то плыву Кабырзой.
Голова моя весело кружится
Поплавком над зеленой волной,
А во мне что-то старое рушится,
Расстается сегодня со мной.
Отнесет все обломки течение
И расхлещет о крепкий валун.
Надо мною восходит свечение
Не в одну, а в четыреста лун!
Вот какая со мною история.
Я один, и мы все же вдвоем.
Я в тайге, в самом сердце Шории,
Точно так же, как ты в моем.

ТАЕЖНИК

Казалось, дебри все густели —
Я жаждал встречи с родником
И продирался еле-еле
За стариком проводником.
Курил махорку древний шорец,
Под нос по-своему басил.
Среди деревьев таял шорох
Его растоптанных бахил.
Он шел легко, как юный воин,
И часто где-нибудь у пня
Садился, весел и доволен,
И терпеливо ждал меня.
Я падал, больно ушибался,
Геройски ссадины терпел.
Он это видел, улыбался,
А сам все пел

и пел,

и пел.

Он пел о солнце, о пороше,
А, может, вовсе о другом,
Но пел о чем-то о хорошем,
О чем-то очень дорогом.
Мы шли скорее и скорее,
Лес расступался и мельчал.

Тайга кончалась.

И, старея,
Таежник сник и замолчал...
Я шел привычно через поле
И за плечами уносил
С запасом пороха и соли
Запас его

таежных

сил.

♦

Я приехал. Я дома.
Гулко в двери стучу.
И опять так знакомо
Хмурю брови, молчу.
Ты не слышишь, я верю,
Как, упругость растя,
Салаирские ветры
Надо мною свистят.
Новостройки Белова
Промелькнули уже.
Озорно и бедово
У меня на душе.
Остановят машину
И, как в давние дни,
Я сломя камышину
И напьюсь из Ини...
Отдаленный и смутный
Голос слышится твой,
Что какой-то я хмурый
И какой-то чужой.
Не жури меня взглядом,
Не кори горячо,
Я не дома, не рядом —
Я в дороге еще.

◆

Что-то слишком рьяно
Зной пошел спадать.
Что-то слишком рано
Стало холодать.
Солнце жгло в июле
В сентябре — тень.
Тридцать лет мелькнули,
Как

один
день.

Тридцать первый начат.
Слышу в тишине —
Обо мне судачат,
Как не обо мне.
Дескать, как не сетуй,
С памятного дня
Юношам — сосед ты,
Пожилым — родня.
Не молва, не вести,
Сам приметлив тут —
Стороной невесты,
Стороной идут,
Я хожу подавленный,
Замедляю шаг.
Что-то здесь неправильно,
Что-то здесь не так...

Нет, наблюдать не любишь ты,
Как дождь идет, дорогу тыча.
Ни для кого не рвешь цветы,
Не понимаешь пенье птичье.
Непостоянен ты еще
И очень глух к добру и худу.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду!
Застыв, не ждешь ты никогда,
Что вот сосна сбежит с откоса,
Что вот русалка из пруда
Появится и выжмет косы.
Сто раз ты около прошел,
Не веря ни в какое чудо.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду!
Вот канет этот день во тьму
И вроде яблоньки-дичонки
К плечу крутому твоему
Прижмется трепетно девчонка.
Ты не узнал еще печаль
И сердца легкую остуду.
Семнадцать лет...
Как жаль, как жаль,
Что я таким уже не буду!

◆

Не по одежке, не по перстню
С игрой литого серебра —
Встречайте вы меня по песням,
Слетевшим с моего пера.
Верны и радостям и болям,
И, им вовек не изменя,
На люди

белым-белым полем
Уходят песни от меня.
Под лунной половинной долькой
Их не видать.
Снега, стога...
Какая-то волнует долго
И очень сердцу дорога.
Какая-то прошла по краю,
Не всколыхнув мое житьё.
Какую-то — еще не знаю,
А лишь предчувствую ее.

СОДЕРЖАНИЕ

«За рекой талиновой...»	3
«Дом как дом»	5
«На обезлюдившей окраине...»	7
На горке	8
Холод	10
«То ли вьюга будет месть...»	11
«Я не по нраву, не по нраву...»	12
«От туманного молозива...»	13
«Дождик льет...»	14
Танцы на мосту	15
«Гнутя петушинные насесты»	16
«Я зло томлюсь у топок жарких...»	17
«Крутой подъем»	18
Весна на станции	20
«Говорят, что годы — улетают...»	22
Фотографии	23
«Я рано распрощался с вербой...»	24
Песнь о хлебе	25
Берега	27
Дом с краю	28
«Там, где воды и ветра сшибка...»	30
Осень	31
Водопад	32
«Все наветы, наветы, наветы...»	33
«У реки рябина сохнет...»	34

Сосна	35
«Кивая ветеркам залетным...»	36
«Бойся, Анна...»	37
Старому шорцу	39
Перед грозой	41
Переправы	42
Кабырза	43
«Огни рассыпаны в лесу»	45
«У лодчонки узкая корма»	46
«Полюбуйся, человек, позарься...»	47
«Ты мелькнула, блеснула и канула...»	48
Таежник	49
«Я приехал...»	51
«Что-то слишком рьяно...»	52
«Нет, наблюдать не любишь ты...»	53
«Не по одежке, не по перстню...» *	54

Баянов Виктор Михайлович

ЗА РЕКОЙ ТАЛИНОВОЙ

Сборник стихов

Художник Н. Чермнин.

Общественный редактор В. Измайлов. Художественный редактор О. Красова. Технический редактор Г. Рудина. Корректор Л. Пронникова.

Сдано в набор 20.X.1964 г. Подписано к печати 26.XI.1964 г.
 ОП00388. Бумага 70×92¹/₃₂. Печ. л. 2,05. Уч-изд. л. 1,41.
 Авт. л. 1,29. Тираж 10 000. Цена 7 коп. Заказ 8914.
 Кемеровское книжное издательство. Кемерово Советский пр., 94.

Типография «Кузбасс». Кемерово, Кузнецкая, 9.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Количество пред. выдач _____

~~6/VI 946~~

~~3/VI 915~~

~~4/IX 1144~~

~~30/IX 494~~

18/IV 486

гело
м час
ссутст
ий он
ом. П
ючти
ак бы
во в
стар
о
се
не
е, п
Ол
щи
ева.
ты,
и п
ть
йл
ч
м
нен
рид
и

Цена 7 коп,